

Эволюция представлений о прогрессе и регрессе в идеологических системах XX–XXI веков

Сергей **ВОРОБЬЕВ**

История идеи прогресса

Идея неуклонного прогресса исторически сложилась как центральная составляющая мировоззрения эпохи Просвещения. В XVIII–XIX вв. утвердилась вера в поступательное развитие человечества (научное, технологическое и социальное), которая была воспринята и секулярными идеологиями модерна, прежде всего либерализмом и марксизмом¹. Просвещенческий рационализм провозгласил торжество разума и науки, способных избавить общество от предрассудков прошлого и обеспе-

чить постоянный прогресс². В либеральной мысли XIX в. прогресс ассоциировался с расширением гражданских свобод, экономическим ростом и прогрессивными реформами. Аналогично и марксизм провозгласил закономерность смены общественно-экономических формаций и неизбежное восхождение к коммунизму как к высшей стадии развития, что также предполагает необратимый исторический прогресс³.

Однако уже в конце XIX – начале XX в. появляются первые серьезные

ВОРОБЬЕВ Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России. *E-mail*: 352147@gmail.com

Ключевые слова: прогресс, регресс, идеология, модернизация, консерватизм, фундаментализм, «мягкая сила».

¹ Семенов Ю.И., Гобозов И.А., Гринин Л.Е. *Философия истории: проблемы и перспективы*. М.: КомКнига, 2007. С. 148–247.

² Bury J.V. *The Idea of Progress: An Inquiry into Its Origin and Growth*. L.: Macmillan, 1920. – 391 p.

³ Нусбет Р. *История идеи прогресса / под ред. Ю. Кузнецова и Г. Сапова*. М.: ИРИСЭН, 2007. – 557 с.

сомнения в беспредельности прогресса. Мысли о цикличности или упадке цивилизаций высказывались рядом мыслителей. В противовес оптимизму модерна возникают концепции, подчёркивающие конечность и возможный регресс культурно-исторических систем.

Так, О. Шпенглер утверждал, что каждая великая культура похожа на живой организм: она переживает периоды расцвета, старения и смерти⁴. Он отверг универсальный прогресс человечества, полагая, что Запад уже вступил в пору необратимого упадка. Эта антипрогрессистская парадигма резко контрастировала с господствовавшей прежде идеей единой восходящей линии истории.

Первая половина XX в. принесла человечеству невиданные ранее потрясения (мировые войны, экономические катастрофы, тоталитарные режимы), которые поколебали веру в автоматическое торжество разума и морали. Философы и социологи отмечают кризис идеи прогресса. Представители Франкфуртской школы указывали на парадокс: просвещенческий рационализм, призванный освободить человека, обернулся в XX в. новыми формами порабощения – тоталитарией и массовой культурой⁵. Отмечалось, что достижения науки могут быть поставлены на службу разрушению.

Примерами может послужить применение химического оружия, создание атомной бомбы. Административный разум может превратиться в инструмент подавления личности – как в бюрократических или тоталитарных системах.

Адорно и Хоркхаймер фактически заявили об «обратной стороне» прогресса: наряду с техническим ростом модерн породил «варварство» нового типа⁶.

Таким образом, в интеллектуальном дискурсе середины XX в. идея линейного прогресса подвергается жёсткой ревизии. Это послужило теоретическим фундаментом для появления в идеологическом поле концептов антипрогресса, т. е. отрицания благотворности или возможности дальнейшего поступательного развития.

Тем не менее во второй трети XX в. ведущие политические силы продолжали во многом мыслить категориями прогресса, причём каждая в своей парадигме.

После Второй мировой войны формируется своего рода дуэль прогрессистских утопий:

– на Западе утвердилась либеральная вера в научно-технический прогресс и экономический рост как гаранты процветания. В данном контексте можно выделить идеологию государства всеобщего благоденствия⁷ и модернизационную теорию У. Ростоу⁸;

⁴ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность. М.: Попури, 1998. – 688 с.

⁵ Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.: Ювента, Меднум, 1997. – 312 с.

⁶ Там же.

⁷ Нарышкин А.А. Исторические аспекты формирования государства всеобщего благоденствия северо-европейского типа // Вопросы истории. 2018. № 4. С. 48-57.

⁸ Rostow W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto. N.Y.: Cambridge University Press, 1990. – 272 p.

– в социалистическом лагере культивировалась идея ускоренного развития, догоняющей модернизации «догнать и перегнать», создавался образ светлого будущего – коммунизма – как целевого ориентира социального прогресса.

В 50–60-е годы обе сверхдержавы – США и СССР – соревновались в демонстрации достижений: от освоения космоса до повышения уровня жизни, что отражало своего рода конкуренцию моделей прогресса. Марксистско-ленинская идеология утверждала всемирно-исторический прогресс от капитализма к социализму, тогда как либеральная идеология видела идеал в распространении по планете демократии и рынка, т. е. и те и другие, по сути, разделяли модернизационный пафос, хотя и с разным содержанием⁹.

Однако уже к концу 60-х – началу 70-х годов стали очевидны новые издержки научно-технического развития, породившие скепсис в отношении прогресса:

во-первых, человечество столкнулось с угрозой самоуничтожения: ядерное противостояние создало реально ощущаемую перспективу глобальной катастрофы;

во-вторых, обострились экологические проблемы.

Римский клуб опубликовал в 1972 г. доклад «Пределы роста»¹⁰, где на основе компьютерного моделирования доказывалось: если сохранятся прежние темпы промышленного

производства, истощение ресурсов и экологический коллапс неизбежны уже в течение ближайших десятилетий. Эта работа ввела в широкое обращение представление о пределе прогресса: бесконечный экономический рост на конечной планете невозможен. Появились пессимистические сценарии, согласно которым человечество либо должно срочно ограничить свои аппетиты, либо столкнется с глобальным регрессом. Идеи Римского клуба стимулировали возникновение концепции нулевого роста, особенно популярной в эколого-ориентированных кругах. В политическом плане это вылилось в оформление идеологии экологизма, ставящей под сомнение ценность промышленного прогресса и требующей радикально пересмотреть цели развития ради сохранения природы.

Одновременно в 70-е годы на фоне разочарования в социальных утопиях окрепло направление, известное как постмодернизм. Одним из его философских постулатов был отказ от «больших нарративов», включая нарратив прогресса¹¹. Ж.-Ф. Лиотар отмечал, что в постмодерном сознании наступило «недоверие к метанаррациям», т. е. к глобальным идеям, оправдывающим историю как целенаправленный, осмысленный процесс развития¹².

Таким образом, к концу XX в. интеллектуальная мода смещается от оптимистической телеологии истории к признанию фрагментарности,

⁹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015. – 257 с.

¹⁰ Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рэндерс Й., Беренс Ш. Пределы роста / пер. с англ. Г.А. Ягодина. М.: Изд-во Московского университета, 1991. – 207 с.

¹¹ Lyotard J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. Manchester: Manchester University Press, 1982. – 110 p.

¹² Ibid.

множественности путей и возможной деградации. Хотя на уровне массового сознания вера в научно-технический прогресс сохранялась и

сохраняется, в гуманитарной мысли утвердилось представление о двусмысленности и неоднозначности самого понятия прогресса.

Прогресс и регресс в идеологиях первой половины XX века

В первой половине XX столетия основные идеологические системы – либерально-демократическая, коммунистическая и фашистская – по-разному взаимодействовали с идеей прогресса.

Либерализм, несмотря на потрясения Первой мировой войны, в целом сохранил приверженность ценностям Просвещения. Либеральные режимы в межвоенный период делали ставку на развитие образования, технологий, международной торговли, т. е. продолжали реализацию прогрессистского проекта, пусть и корректируя его. Примером такого подхода является появление элементов государственного регулирования экономики в эпоху «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта.

Коммунистическая идеология в СССР провозгласила наступление новой эры всемирной истории: Октябрьская революция рассматривалась как скачок вперёд для всего человечества, как начавшую эпоху перехода от капитализма к социализму. В Советском Союзе культивировался чрезвычайно сильный культ научно-технического и социального прогресса – идея индустриализации, культурной революции, создания «нового человека». Советская пропаганда 20–30-х годов культиви-

ровала образ стремительного рывка в будущее, противопоставленного «отсталому» дореволюционному прошлому¹³. При этом в реальности методы этого рывка нередко вели к катастрофическим последствиям, шли через насильственную коллективизацию. Однако идеология объясняла издержки «штурма небес» необходимой ценой прогресса. Примечательно, что сами марксистские теоретики допускали возможность временного регресса на пути прогресса: В.И. Ленин применял известную поговорку «Шаг назад – два шага вперёд», подразумевая, что откаты и кризисы – лишь этап перед новым подъёмом¹⁴. Таким образом, коммунистическая идеология вобрала в себя представление о диалектике прогресса, где регресс выступает моментом, преодолеваемым в дальнейшем развитии.

Наиболее сложным образом идея прогресса взаимодействовала с **идеологией фашизма**. С одной стороны, фашистские режимы, особенно Третий рейх, активно использовали в своих целях достижения научно-технического прогресса – от моторизации армии до пропаганды по радио. Они провозглашали модернизационные цели – ликвидацию безработицы, строительство авто-

¹³ Нисбет Р. История идеи прогресса.

¹⁴ Ленин В.И. Шаг вперёд, два шага назад (Кризис в нашей партии). М.: ЛКИ, 2020. – 230 с.

банов, развитие промышленности, а с другой – в ценностном плане фашизм апеллировал скорее к архаике и мифу: мнимому восстановлению древнего порядка, культе традиционной доблести. Нацистская идеология несла иррационалистический, антипросвещенческий заряд, противопоставляя духу прогресса. В этом смысле нацизм можно назвать псевдопрогрессистским: он принимал внешние атрибуты технического развития, но отвергал гуманистические ценности, ассоциировавшиеся с прогрессом, – идею равенства людей, мирного сотрудничества, просвещения масс. В результате фашизм привёл к беспрецедентно варварскому регрессу в области морали – массовому геноциду, развязыванию агрессивных войн – под лозунгами якобы «обновления» нации. После поражения нацизма сама его история стала символом того, как технологическое могущество и социальная регрессия могут сочетаться в одной идеологии.

В послевоенный период вплоть до 70-х годов идея прогресса оставалась важным источником легитимации для двух противоборствующих мировых систем – капиталистической и социалистической. В западном мире возникло понятие «технократия» – власть технических экспертов, управляющих обществом на научных основах, что как бы обеспечивало постоянное поступательное движение. В СССР продолжалась научно-техническая и социальная мобилизация под лозунгом «догнать и перегнать Америку». С точки зрения социальных прав западные демократии демонстрировали прогресс: расширение прав женщин, деколонизацию, становление обществ потребления, а социалистические государства – альтернативный прогресс: ликвидацию неграмотности, форсированную индустриализацию отсталых республик, успехи фундаментальной науки. Кажется, что соревнование прогрессов ускоряет общий подъём человечества.

Перелом: кризис веры в прогресс и поиск альтернатив (1970–1990-е гг.)

Осознанием глобальных ограничений и ошибок прогрессистского проекта ознаменовались 70-е годы. Помимо экологической проблематики большое значение имело изменение геополитического и культурного контекста.

Во-первых, окончание эпохи колониализма обнажило разнообразие путей развития в странах третьего мира. Многие из новых независимых государств встали перед выбором между капиталистическим и со-

циалистическим путём, и ни один из них не дал быстрых универсальных успехов. Появился термин «развивающиеся страны» вместо прежних «отсталые», признававший, что прогресс носит относительный характер и что движение вперёд возможно зигзагами.

Во-вторых, обострились культурно-ценностные конфликты, в которых идея западного секулярного прогресса стала встречать сопротивление традиционных обществ.

Яркий пример – исламский фундаментализм, начавший проявляться в 70-е годы.

Исламизм представляет собой идеологию, диаметрально противоположную по отношению к секулярной доктрине прогресса: он ориентирован на реставрацию условного золотого века раннего ислама, на неукоснительное следование религиозным заветам и нормам шариата¹⁵. Исламисты открыто противопоставляют западной модернизации свой проект общества, основанного на вечных божественных установлениях. Победа Исламской революции в Иране (1979 г.) продемонстрировала, что антипрогрессистская по духу идеология, отвергающая светский путь развития, способна сплотить массы и прийти к власти.

Позже, в 90-е – начале 2000-х годов, экстремистские группировки от «Аль-Каиды» до «Исламского государства»* будут вести борьбу против западной цивилизации, называя ее «сатанинской» и отрицая сами основания её прогресса: науку без Бога, эмансипацию нравов, политический плюрализм.

Тем самым религиозно-фундаменталистские движения придали идее антипрогресса радикально-конфронтационный характер на мировой арене.

Западное общество во второй половине XX в. постепенно само выработало внутреннюю критику прогресса – главным образом через новое левое и контркультурное движения.

Уже в конце 60-х годов леворадикальные студенческие протесты в Европе и США проходили под лозунгами против технологизации и отчуждения человека, споря с «поколением отцов», верящим в материа-

листический прогресс. В дальнейшем одна часть постмодернистски настроенной интеллигенции провозгласила, что идея прогресса служила прикрытием для власти и угнетения – колониализма, патриархата и прочих «дискурсивных практик», навязанных как всеобщие ценности¹⁶. Другая часть, более прагматичная, обратила внимание на то, что научно-технический прогресс вступил в новую фазу, характеризующуюся уже не только благами, но и чрезвычайную качественно иными рисками.

В 80-е и особенно 90-е годы стало очевидно, что особенно бурно развивается область информационных технологий и биотехнологий, несущих как надежды, так и страхи. Возникли этические дилеммы: например, генетическая инженерия ставит под вопрос традиционные представления о природе человека, а развитие искусственного интеллекта – перспективы занятости и безопасности. В этой атмосфере появилась своеобразная развилка: одни идеологи приветствовали наступление постиндустриального общества и глобализации как нового этапа прогресса с акцентом на знания, на интеграцию мира в единое целое, а другие – выражали опасения по поводу утраты самобытности народов, усиления неравенства, роста зависимости от техники.

Показательно, что после распада СССР (1991 г.) на Западе на короткое время снова стало популярно представление о торжестве прогресса: Ф. Фукуяма утверждал, что с победой либеральной демократии

¹⁵ *Kepel G. Jihad: The Trail of Political Islam. Cambridge: Belknap Press, 2003. – 464 p.*

¹⁶ *Lyotard J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge.*

*Террористические организации, деятельность которых на территории Российской Федерации запрещена на законодательном уровне.

человечество достигло конечной точки идеологической эволюции¹⁷. Осмелимся утверждать, что таким образом он реанимировал марксистскую схему поступательного развития, только финалом объявил не коммунизм, а глобальный либерализм. Однако уже к концу 90-х годов эта концепция была подвергнута острой критике как неоправданно оптимистичная. С. Хантингтон, напротив, прогнозировал не однообразное будущее по единой модели, а длительное «столкновение цивили-

заций», каждая из которых имеет собственную систему ценностей и не стремится следовать западному образцу развития¹⁸. Фактически предполагалось, что для некоторых культур прогресс в западном понимании не является целью, более того, противоречит их традициям.

Таким образом, на рубеже веков вместо представления об общем восходящем пути вновь утвердилось многообразие картин будущего, вплоть до мрачных сценариев регресса и постоянных конфликтов.

Современное противостояние идеологий прогресса и антипрогресса

На сегодняшний день линия раздела между идеологиями во многом проходит по вопросу о желательности и границах дальнейшего прогресса. Можно выявить условно два полюса современного идейного спектра: с одной стороны, условно прогрессистские, футуристические подходы, для которых характерна позитивная оценка научно-технического и социального развития, вера в решаемость нынешних проблем через новые инновации, а с другой – консервативные, фундаменталистские и пессимистические подходы, склонные видеть в продолжающемся прогрессе угрозу традициям, идентичности или даже самому существованию человечества.

К **первому полюсу** относятся, например, идеологи глобализации, мировой либеральной истеблишмент. Они убеждены, что, несмотря

на локальные кризисы, в целом человечество прогрессирует: развиваются технологии, улучшается качество жизни, расширяется пространство прав и свобод человека. Продвигается концепция устойчивого развития, которая оптимистично предполагает возможность сочетать экономический рост с решением экологических проблем при помощи «зелёных» технологий.

В радикальном выражении технооптимизм представлен движением трансгуманизма, провозглашающего целью применить достижения науки для коренного улучшения природы человека: продления жизни, усиления интеллекта и даже победы над смертью. Трансгуманисты и футурологи прогнозируют к середине XXI в. наступление технологической «сингулярности», после которой прогресс станет практически мгновенным и неограни-

¹⁷ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек.

¹⁸ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon & Schuster, 1996. – 367 p.

ченным¹⁹. Этот крайний прогрессизм, по сути, возрождает утопический пафос эпохи просвещения, перенесённый во времени на новую основу.

Другим проявлением современно-го прогрессистского мировоззрения можно считать и неолиберальные экономические теории, для которых рост ВВП, развитие рынка и глобальной торговли по-прежнему выступают безусловным благом. Исследователи, приверженные данному оптимистичному подходу, исходят из того, что технологические инновации и рыночные механизмы сумеют решить все возникающие дисбалансы.

Например, дефицит ресурсов можно преодолеть через новые технологии добычи и экономии²⁰, проблемы здравоохранения – посредством внедрения цифровых решений²¹, а экологический кризис – через возникновение «зелёной» экономики, повышение²².

Противоположный полюс представлен разнообразными идеологиями, которые можно объединить в категорию антипрогрессистских, хотя мотивация у них различается.

К этой группе относятся прежде всего культурно-консервативные и националистические течения. Они характеризуются ностальгией по «зо-

лотому прошлому», акцентом на традиционные ценности, например, на религию, национальную культуру, неприятие многих последствий глобального прогресса, таких как размытие национальных границ, изменение гендерных ролей, секуляризация, миграционные процессы. Во многих обществах сейчас наблюдается подъём традиционалистского сознания как реакции на стремительные изменения последнего времени.

Пример – исламский мир, где значительная часть населения отвергает западную глобализацию, воспринимая её как угрозу своей идентичности и духовности²³.

Даже в странах развитого Запада последние годы отмечены ростом популярности правопопулистских сил, выступающих против «прогрессивистов» и космополитичных элит.

Лозунг Д. Трампа *Make America Great Again!* апеллировал к прошлому, обещая вернуть утраченное величие. По сути, это был антипрогрессивный посыл, подразумевающий, что не все изменения последних десятилетий принесли пользу американцам.

Подобным образом в ряде европейских стран политические движения требуют остановить дальнейшую либерализацию нравов, ограничить влияние наднациональных структур (ЕС), вернуть «традиционный порядок»²⁴.

¹⁹ *Kurzweil R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. N.Y.: Viking, 2005. – 652 p.*

²⁰ *Ядгаров Я.С., Сидоров В.А., Ильинова В.В. Рыночное хозяйство: трансформационные тенденции // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 5. С. 7-33.*

²¹ *Нарышкин А.А., Нарышкина А.А. Цифровизация здравоохранения в странах БРИКС+ // Современная Европа. 2025. № 1(129). С. 136-149.*

²² *Zharov A.N., Isaev K.V. Green Economy as the main way of Development of Society // RUDN Journal of Ecology and Life Safety. 2021. Vol. 29. № 2. P. 209-216.*

²³ *Nurullah A. Globalisation as a Challenge to Islamic Cultural Identity // The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. 2008. Vol. 3. № 6. P. 45-52.*

²⁴ *Horris P., Inglehart R. Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 564 p.; Гринин Л.Е., Гринин А.Л. Глобализм против американизма. Ч. 1. Как глобалисты истощают ресурсы США для построения нового глобального порядка // История и современность. 2021. № 2(40). С. 3-43; Они же. Глобализм против американизма. Ч. 2. Глобализм и будущее США и мира // История и современность. 2021. № 3(41). С. 3-53.*

Таким силам свойственно скептически относиться к универсалистским проектам будущего, они часто продвигают идею «разновекторности развития цивилизаций», где Запад не должен навязывать свой образ жизни другим.

Ещё одним заметным направлением, выражающим сомнения в прогрессе, является **идея нулевого роста и деградационизма**. Речь идёт об убеждении, что человечеству следует сознательно притормозить или вовсе остановить экономическое и технологическое развитие, чтобы не разрушить планету, отказаться от гонки за ростом экономики и перейти к модели разумного самоограничения²⁵. В этой концепции регресс в материальном производстве парадоксально понимается как залог выживания и даже истинного прогресса духа – своего рода возвращение к более простому, природосообразному укладу. Данный взгляд набирает популярность среди части экологических активистов, а также молодых людей, разочарованных в потребительских ценностях. Можно сказать, что здесь прогресс и регресс меняются местами: отказ от прежнего понимания прогресса как роста богатства и мощности преподносится как новый прогрессивный шаг – переход к устойчивому состоянию. Тем не менее традиционные экономические и политические институты не спешат принимать такую философию, и она остаётся в оппозиционном интеллектуальном поле.

На грани между научно-техническим прогрессизмом и его отрицанием стоит феномен, который можно назвать **катастрофизмом**. Речь

идёт о разного рода идеологиях и движениях, предрекающих глобальные катастрофы: климатическую, демографическую, биотехнологическую – и требующих мобилизации для их предотвращения. С одной стороны, катастрофисты опираются на последние достижения науки, к примеру, на модели глобального потепления, а с другой – их риторика часто носит апокалиптический характер, больше схожий с религиозными пророчествами конца света, чем с просветенческой верой в разумное управление. Фактически они выражают существенную деформацию идеи прогресса: будущее видится не как светлое и лучшее, а как нарастающий кризис, избежать которого можно только путём радикального изменения курса развития.

Например, «зелёные» радикалы говорят о необходимости немедленного свёртывания целых отраслей промышленности и резкого снижения потребления ради спасения климата. Это означает отрицание тех основ прогресса, на которых строилась современная цивилизация, – промышленный рост, комфорт, мобильность.

Наконец, современная геополитика также расколота во многом по линии отношения к историческому прогрессу.

Страны Запада по-прежнему видят себя носителями прогрессивной повестки: демократии, прав человека, научного развития – и пытаются распространить эти стандарты повсеместно. В то же время ряд крупных держав многополярного мира, в числе которых Китай, Россия, некоторые государства исламского Востока, более

²⁵ Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W. *The Limits to Growth*. N.Y.: Universe Books, 1972. – 205 p.

скептически к универсальному свойству прогресса. Они подчёркивают свою цивилизационную особость и право идти собственным путём. Российская политическая мысль всё чаще апеллирует к консервативным ценностям прошлого – традиционной семье, патриотизму, духовности. Похожим образом Китай продвигает модель поступательного экономического прогресса, сочетая её с идеологией возрождения великой традиционной китайской цивилизации.

Противоположный пример – идеология глобализма, присущая значительной части западных элит²⁶. Она исходит из того, что история движется к интегрированному миру и пытается ускорить этот процесс. Глобалисты делают упор на решение обще-

мировых проблем через коллективные усилия и новые технологии (в частности, на энергопереходе – замене ископаемого топлива возобновляемыми источниками, на цифровизации, на продвижении наднациональных институтов регулирования). Критики же называют такую политику утопическим прогрессизмом и указывают, что форсированный «зелёный» курс, например, уже приводит к экономическим трудностям – росту цен на энергию, дефициту отдельных товаров.

Здесь проявляется концептуальный спор: сторонники видят в этих шагах необходимый этап прогресса, а противники – искусственно навязанный регресс в угоду элитарным интересам.

Анализ показывает, что понятия прогресса и регресса сохраняют ключевые значения в конкурентной борьбе современных идеологий. По сути, они отражают разные ценностные ответы на вопрос о том, куда должна двигаться или не двигаться человеческая цивилизация.

Прогрессистские идеологии XX–XXI вв. – от классического либерализма и марксизма до трансгуманизма – предлагают проекты будущего, основанные на вере в развитие знаний, технологий, социальных институтов.

Антипрогрессистские идеологии – религиозный фундаментализм, радикальный традиционализм, экстренный экологизм – предупреждают о гибельности дальнейшего «бездумного» развития и призывают или вернуться к проверенным устоям, или остановиться, чтобы не шагнуть в бездну.

Многие идейные течения, впрочем, занимают промежуточные позиции или сочетают элементы обоих полюсов, признавая необходимость прогресса в одних сферах и ограничений – в других.

Например, концепция устойчивого развития пытается соединить прогресс с условием его экологической приемлемости, а многополярный мир – совместить общее движение человечества с сохранением разнообразия культурных путей.

История последних столетий свидетельствует, что периоды безраздельной веры в прогресс сменялись периодами трезвого осмысления его про-

²⁶ Гринин Л.Е., Гринин А.Л. Глобализм против американизма. Ч. 1. Как глобалисты истощают ресурсы США для построения нового глобального порядка; *Они же*. Глобализм против американизма. Ч. 2. Глобализм и будущее США и мира.

творечий. Сегодня человечество вновь стоит перед выбором: продолжать ли глобалистский проект, рассчитывая на инновации и сотрудничество, либо же укреплять локальные традиции, страхуясь перед неизвестным будущим. Противостояние идеологий прогресса и антипрогресса во многом определяет характер современных международных конфликтов и внутренне-политических расколов.

Исследование этой идеологической линии разлома позволяет глубже понять мотивы участников глобальной политики. В частности, становится понятно, почему ценностный диалог Востока и Запада зачастую заходит в тупик: он упирается в расхождение фундаментальных представлений – одни ориентированы на проектируемое будущее, другие – на сакрализованное прошлое и сохранение имеющихся достижений.

Таким образом, «эволюция» идеи прогресса в XX–XXI вв. обернулась её деволуцией из универсальной истины в объект споров и сомнений. Будущий баланс между прогрессом и регрессом будет зависеть не только от объективных обстоятельств, но и от исхода конкуренции идеологий.

Возможны различные сценарии: от нового витка глобализации до длительной стагнации под влиянием кризисных трендов. Ясно одно: риторика прогресса или её отрицание продолжают служить мощным оружием политической легитимации. В этих условиях зрелое критическое осмысление данного концепта, освобождённое от крайностей как безудержного футуризма, так и реактивного архаизма, является насущной интеллектуальной задачей. Только такой баланс способен предотвратить как саморазрушительный «бег во мглу», так и гибельную стагнацию человечества, открыв путь к подлинно устойчивому развитию.

Библиография • References

- Адорно Т., Хоркхаймер М.* Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.: Ювента, Медиум, 1997. – 312 с.
- Гринин Л.Е., Гринин А.Л.* Глобализм против американизма. Ч. 2. Глобализм и будущее США и мира // История и современность. 2021. № 3(41). С. 3-53.
- Гринин Л.Е., Гринин А.Л.* Глобализм против американизма. Ч. 1. Как глобалисты истощают ресурсы США для построения нового глобального порядка // История и современность. 2021. № 2(40). С. 3-43.
- Ленин В.И.* Шаг вперёд, два шага назад (Кризис в нашей партии). М.: ЛКИ, 2020. – 230 с.
- Медоуз Д.Х., Медоуз Д.Л., Рэндерс Й., Беренс Ш.* Пределы роста /пер. с англ. Г.А. Ягодина. М.: Изд-во Московского университета, 1991. – 207 с.
- Нарышкин А.А.* Исторические аспекты формирования государства всеобщего благоденствия североευропейского типа // Вопросы истории. 2018. № 4. С. 48-57.
- Нарышкин А.А., Нарышкина А.А.* Цифровизация здравоохранения в странах БРИКС+ // Современная Европа. 2025. № 1(129). С. 136-149.
- Нисбет Р.* История идеи прогресса / под ред. Ю. Кузнецова и Г. Сапова. М.: ИРИСЭН, 2007. – 557 с.

- Семенов Ю.И., Гобозов И.А., Гринин Л.Е. *Философия истории: проблемы и перспективы*. М.: КомКнига, 2007. С. 148–247.
- Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ, 2015. – 257 с.
- Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. Т. 1. Образ и действительность. М.: Попури, 1998. – 688 с.
- Ядгаров Я.С., Сидоров В.А., Ильинова В.В. *Рыночное хозяйство: трансформационные тенденции* // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 5. С. 7-33.
- Bury J.V. *The Idea of Progress: An Inquiry into Its Origin and Growth*. L.: Macmillan, 1920. – 391 p.
- Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon & Schuster, 1996. – 367 p.
- Kepel G. *Jihad: The Trail of Political Islam*. Cambridge: Belknap Press, 2003. – 464 p.
- Kurzweil R. *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. N.Y.: Viking, 2005. – 652 p.
- Liotard J.-F. *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Manchester: Manchester University Press, 1982. – 110 p.
- Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W. *The Limits to Growth*. N.Y.: Universe Books, 1972. – 205 p.
- Nurullah A. *Globalisation as a Challenge to Islamic Cultural Identity* // The International Journal of Interdisciplinary Social Sciences. 2008. Vol. 3. № 6. P. 45-52.
- Rostow W. *The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. N.Y.: Cambridge University Press, 1990. – 272 p.
- Zharov A.N., Isaev K.V. *Green Economy as the main way of Development of Society* // RUDN Journal of Ecology and Life Safety. 2021. Vol. 29. № 2. P. 209-216.
- Horris P., Inglehart R. *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 564 p.

Статья поступила в редакцию 27 октября 2025 г.

Статья принята к публикации 19 декабря 2025 г.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer» включён в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и на соискание учёной степени доктора наук по следующим отраслям науки и специальностям:

5.5. ПОЛИТОЛОГИЯ

5.5.2. Политические институты, процессы и технологии (политические)

5.5.4. Международные отношения (политические)

5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические)